

УДК 94(47+57)"193":069.5

DOI: 10.18324/2224-1833-2026-1-131-137

Проблемы и преобразования в деятельности краеведческих музеев в СССР в 1930-е гг.

А.А. Кузнецов

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11

alalkuz@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6851-2665>

Статья поступила 19.01.2026, принята 06.02.2026

Статья посвящена анализу коренной трансформации деятельности краеведческих музеев в СССР в 1930-е гг., вызванной задачами форсированной индустриализации, коллективизации и культурной революции. На основе материалов ведущего профессионального журнала «Советский музей» (1932–1939 гг.) исследуется комплекс системных проблем, тормозивших превращение музеев из пассивных хранилищ в активные инструменты социалистического строительства и воспитания «нового советского человека». Ключевые проблемы включали статичность и безыдейность экспозиций, «музейный феодализм», слабую научную базу, текучесть кадров, отсутствие связи с аудиторией и игнорирование политико-воспитательных задач. В ответ на эти вызовы партийным руководством и музейными теоретиками была разработана всеобъемлющая программа реформ советских музеев. На основании статей, написанных музейными теоретиками, практиками и партийными деятелями (К.А. Соловьев, Н.К. Крупская, Ф.Я. Кон, К. Иванов) исследуются предложения в области реформирования краеведческой музейной деятельности. Её основными направлениями стали: перестройка экспозиций на основе диалектико-материалистической методологии и принципа историзма; превращение музея в «лабораторию политехнизма» и интеграцию его со школьным образованием; активная пропагандистская работа, включая борьбу с пережитками прошлого и сотрудничество с прессой; преодоление кадрового кризиса и ведомственной разобщённости. В результате краеведческий музей должен был быть преобразован в идеологически нагруженный институт, выполнявший педагогические, пропагандистские, научно-прикладные и культурно-просветительские функции. Статья показывает, как под давлением государственных задач происходила идеологизация музейной сферы, заложившая модель музея-пропагандиста, определявшую его развитие на весь советский период и оказавшую влияние на постсоветскую практику.

Ключевые слова: краеведческие музеи; СССР; 1930-е гг.; культурная политика; идеологизация; политехнизация; музейная экспозиция; пропаганда.

Problems and transformations in the activities of local history museums in the USSR in 1930s

A.A. Kuznetsov

Baikal State University; 11, Lenin St., Irkutsk, Russia

alalkuz@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6851-2665>

Received 19.01.2026, accepted 06.02.2026

The article is devoted to the analysis of the radical transformation of the activities of local history museums in the USSR in the 1930s caused by the tasks of forced industrialization, collectivization and the cultural revolution. Based on the materials of the leading professional magazine "Soviet Museum" (1932–1939), a complex of systemic problems is investigated that hindered the transformation of museums from passive storages into active instruments of socialist construction and education of the «new Soviet man». Key problems included the static and unprincipled nature of expositions, "museum feudalism", a weak scientific base, staff turnover, lack of connection with the audience and disregard for political and educational tasks. In response to these challenges, the party leadership and museum theorists developed a comprehensive reform program for Soviet museums. Based on articles written by museum theorists, practitioners and party leaders (K.A. Soloviev, N.K. Krupskaya, F.Ya. Kon, K. Ivanov), proposals are investigated in the field of reforming local history museum activities. Its main directions were: restructuring of expositions based on dialectical-materialistic methodology and the principle of historicism; turning the museum into a "laboratory of polytechnism" and integrating it with school education; active advocacy, including dealing with vestiges of the past and collaborating with the press; overcoming the personnel crisis and departmental disunity. As a result, the local history museum was to be transformed into an ideologically loaded institute that performed pedagogical, propaganda, scientific, applied, cultural and educational functions. The article shows how, under the pressure of state tasks, the ideologization of the museum sphere took place, which laid the model of the museum-propagandist, which determined its development throughout the Soviet period and influenced post-Soviet practice.

Keywords: local history museums; USSR; 1930s; cultural policy; ideologization; polytechnization; museum exposition; propaganda.

Введение. После Октябрьской революции большевики особое внимание уделяли агитации и пропаганде как неотъемлемой части классовой борьбы. Не обошли они своим вниманием и музеи. В.И. Ленин видел в музеях не просто хранилища древностей, а важнейшие орудия культурной революции, просвещения и идеологического воспитания масс. Его подход был прагматичным и подчинённым государственным задачам. Ленин инициировал декреты (1918 г.) о национализации крупнейших частных коллекций (включая Третьяковскую галерею) и создании государственного Отдела по делам музеев (Декрет СНК «О регистрации, приёме на учёт и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. [1], Декрет СНК «О национализации Третьяковской галереи» от 3 июня 1918 г. [2], Декрет СНК «Об организации Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе» от 5 мая 1918 г. [3], Декрет СНК «О запрещении вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения» [4]). Музеи становились общенародным достоянием и переходили под управление государства. Ленинские директивы, закреплённые в декретах 1918–1920-х гг., и их последующей интерпретации оказали огромное влияние на развитие советской музейной теории и практики.

1930-е гг. стали для советских краеведческих музеев временем фундаментальной перестройки, обусловленной масштабными социально-экономическими преобразованиями в стране. В условиях форсированной индустриализации, коллективизации и культурной революции от музеев требовалось перестать быть пассивными хранителями древностей и превратиться в активные инструменты строительства нового общества. Проблема радикальной метаморфозы, которую музеи, в том числе и краеведческие, переживали в 1920–30-е гг. привлекали внимание ряда исследователей (А.А. Сундиева [6], А.В. Турилов, О.Е. Черкаева [7], М.В. Соколова [8]).

На основе материалов ведущего профессионального издания «Советский музей» (1932–1939 гг.) данная статья анализирует комплекс проблем, с которыми столкнулись музеи в этот переломный период, и те стратегические направления деятельности, которые были сформулированы для их преодоления партийным руководством, теоретиками и практиками музейного дела. Основное внимание уделяется анализу статей К.А. Соловьева (1932) [12], Н.К. Крупской (1936) [13], Ф.Я. Кона (1936) [14] и К. Иванова (1939) [15], которые отражают процесс идеологизации и политизации музейной сферы, её подчинения задачам воспитания «нового советского человека».

В начале 30-х гг. в связи с новыми задачами, решаемыми большевистской партией, традиционное музееведение оказалось в состоянии кризиса и нарастании системных проблем.

Советское правительство в 1920–1930-х гг., постепенно вырабатывая и реализуя свою культурную политику, опиралось не только на идеи по-разному понимаемого марксизма и практические нужды конкретного момента. Вполне очевидно то, что определённую роль в этом процессе играла отчасти унаследованная марксист-

мом философия эпохи Просвещения с её верой в прогресс, силу человеческого разума и важность распространения в обществе рациональных научных знаний.

Конечно, большевики не считали, подобно многим деятелям эпохи Просвещения, что развитие массового образования, науки и художественной культуры автоматически решит все основные социальные и экономические проблемы. Однако они видели в этом важный и эффективный инструмент преобразования общества по их модели. Поэтому в процессе создания советской культуры такое большое внимание уделяли всему, что могло способствовать широкому распространению новых идей и научных знаний среди населения, повышать его культурный уровень и внушать патриотические чувства.

Одним из вполне подходящих для этого видов культурных учреждений были музеи. Но доставшаяся в наследство от прошлого сеть музеев и общая стратегия музейного дела не соответствовала задачам культурной революции. Её преобразование началось уже в первые месяцы существования советской власти, на что указывает создание 12 мая 1918 г. в рамках Наркомпроса Отдела по делам музеев и охране памятников искусства [3].

В это же время при губернских Советах начали формироваться и местные музейные органы, отвечающие за сохранение исторического и культурного наследия. В первые годы после окончания гражданской войны на основе уже существующих и вновь открытых музеев сложилась та система развития музейного дела, которая существует в нашей стране до сих пор – сочетание отраслевых, тематических музеев (исторических, художественных, естественнонаучных и др.) с краеведческими.

В её рамках более сложным для определения и понимания элементом был именно краеведческий музей, хотя на местах развитие музейного дела чаще всего начиналось именно с сохранения и пополнения собранных местными энтузиастами коллекций экспонатов, характеризующих природу, историю и культуру их малой родины. Однако размытость самого понятия краеведения мешала точному определению концепции подобного музея, их стандартизации. Поэтому 1920-е гг. стали периодом поиска путей дальнейшего развития, происходившего в рамках совершающей в стране культурной революции.

Появляются теоретические работы, предлагающие фундаментальный взгляд на то, как нужно показывать музейные предметы для раскрытия их смысла и значения, заложившие основы для развития экспозиционной практики в СССР. Например, книга Ф.И. Шмита «Музейное дело. Вопросы экспозиции», изданная в Ленинграде в 1929 г. [11], которая является важной работой по музееведению и теории музейной экспозиции, написанной одним из ключевых деятелей раннего советского музейного дела.

Однако к началу следующего десятилетия советская власть окончательно избрала для страны модель жёсткой командной системы и начала последовательно её реализовывать во всех сферах жизни. Естественно, это коснулось и развития музейного дела. Первый Всероссийский музейный съезд состоявшийся 1–5 декабря 1930 г.

в Москве «...закрепил наметившиеся в музейном деле в конце 1920-х гг. тенденции, что привело к принципиальным и существенным изменениям роли музеев в культурной и общественной жизни. С этого момента можно говорить о наступлении нового этапа музейной истории, продолжавшегося до конца 1980-х гг.» [10, с. 81].

1930-е гг. стали для Советского Союза временем масштабных социально-экономических преобразований, которые затронули все сферы общественной жизни, включая культуру и образование. Курс на форсированную индустриализацию, сплошную коллективизацию и культурную революцию требовал не только экономических и социальных преобразований, но и формирования «нового» человека с нужными для власти характеристиками. В таких условиях музеев, как одно из ключевых культурно-просветительных учреждений, должен был кардинально пересмотреть свою роль и функции. Краеведческие музеи, ранее являвшиеся в основном хранилищами исторических и природных редкостей, были призваны стать активными участниками социалистического строительства, центрами политического воспитания и политехнического образования. Однако для этого нужно было проанализировать проблемы, препятствующие достижению желаемого результата, а также найти пути их преодоления.

Анализ материалов ведущего профессионального журнала «Советский музей» за 1930-е гг. позволяет выявить комплекс проблем, с которыми столкнулись музеи в этот переломный период, показать те новые направления деятельности, которые были сформулированы партийным руководством, теоретиками музейного дела и практиками на местах. Основными темами дискуссий в тот период стали соответствие музеев общей линии на политехнизацию школы, построение музейной экспозиции на основе диалектико-материалистического подхода, превращение музея в орудие активной пропаганды идей социализма, а также преодоление ощутимых на тот момент глубоких кадровых и методических кризисов в сфере музееведения и музейного дела.

Интересно проанализировать это на основе тех статей, которые участники упомянутых выше дискуссий писали в тот период – что и как они рассматривают как проблему или недостаток, в чём видят причины их возникновения, какие способы их преодоления и пути продвижения в будущее предлагают. В данной работе этот анализ проделан на основе опубликованных в журнале «Советский музей» статей К.А. Соловьева, Н.К. Крупской, Ф.Я. Кона и К. Иванова, посвящённых указанным темам. Из этих материалов вырисовывается достаточно отчётливая картина того, как под давлением идеологических и социальных задач происходила трансформация самой сущности краеведческого музея в СССР.

Проблемное поле: наследие прошлого и вызовы настоящего. Проблемой стало то, что наследие прошлого не соответствовало вызовам настоящего. Все упомянутые выше авторы сходятся во мнении, что состояние краеведческих музеев просто плачевно и требует глубоких преобразований. Абсолютное большинство их в СССР не соответствует новым государственным задачам и фактически не оправдывает вкладываемые

в их поддержание государственные средства. Музеи, как правило, по инерции сохраняют сложившиеся ещё в прошлом веке и привычные им формы существования. Поэтому, с точки зрения авторов статей, состояние краеведческих музеев характеризовалось рядом взаимосвязанных системных проблем.

1. Разрыв с жизнью и статичность экспозиции. Главным упреком в адрес музеев было то, что они оставались «немыми пассивными свидетелями» (Ф.Я. Кон) [14, С. 14], оторванными от актуальных процессов социалистического строительства. Экспозиции представляли собой набор разрозненных коллекций – археологических находок, этнографических предметов, чучел животных, картин, – которые не были объединены общей идеей. Как отмечала Н.К. Крупская, в Тверском музее в 1926 г. «уточка там очень хорошие, но взяты они вне хозяйственной жизни» [13, с. 6–7]. Музей показывал природу отдельно от экономики, историю – как цепь случайных событий, технику – как эстетический объект. Такой подход определялся как «формализм», где форма превалировала над содержанием. Художник-оформитель часто имел большее влияние, чем научный сотрудник, создавая внешне эффектную, но бессодержательную витрину.

2. «Музейный феодализм» и отсутствие системы. Ф.Я. Кон остро критиковал «удельные музейные княжества», где царил принцип «что у меня в музее – моё». Это приводило к абсурдным ситуациям: музей в глубине России хранил «мировую коллекцию оружия» или «чучела заморских животных», которые никогда не водились в этом крае, но отказывался передать их в профильные центральные музеи. Профиль музея зачастую определялся не потребностями региона, а случайными факторами: специализацией первого директора (если он был археологом, музей уходил в раскопки) или характером национализированных коллекций местных помещиков и купцов [14, с. 13]. В результате музейная сеть была бессистемна, а распределение экспонатов – нерационально.

3. Слабая научно-исследовательская база и текучесть кадров. Научная работа в музеях либо не велась, либо была крайне слабой. Ф.Я. Кон приводил удручающую статистику: из 551 музейного работника 232 имели лишь низшее образование. Из 325 проанализированных сотрудников 102 имели стаж менее года [14, с. 12]. Текучесть кадров была колоссальной, а угроза их оттока усиливалась в связи с повышением зарплат учителям, куда и стремились многие музейные педагоги. Такой состав не мог обеспечить ни глубокого изучения фондов, ни комплексного исследования края. Музеи плохо знали даже то, что хранилось в их запасниках, не говоря уже о живых процессах в регионе.

4. Отсутствие связи с аудиторией и педагогическая неэффективность. Музеи работали с посетителем по старинке. Экскурсии были шаблонными лекциями, где экспозиция служила лишь фоном для слов экскурсовода. Отсутствовал индивидуальный подход, не учитывался состав группы (рабочие, колхозники, школьники). Как отмечал Кон, число организованных посетителей не достигало и половины от общего потока. Музеи были слабо связаны с профсоюзами, школами, предприятиями. Работа с учителями носила эпизодиче-

ский характер, а о систематической помощи школе в рамках новых программ не могло быть и речи.

5. *Игнорирование политико-воспитательных задач.* В экспозициях отсутствовала марксистско-ленинская интерпретация истории и современности. Не показывалась классовая борьба как движущая сила истории. Техника демонстрировалась вне социального контекста: трактор был просто машиной, а не «орудием соцстроительства» в противовес «орудию эксплуатации» на Западе [12, с. 10]. Антирелигиозные отделы сводились к высмеиванию духовенства, а не к раскрытию социальных корней религии. История партии представлялась как парад побед без показа ожесточенной борьбы с врагами – троцкистами, зиновьевцами, правыми оппортунистами.

Именно на преодоление этих проблем и было направлено переосмысление роли музея, вылившееся в разработку новых направлений и форм его деятельности. Следует отметить, что дальнейшее развитие системы советских краеведческих музеев в основном опиралось именно на эту программу и реализовывало заложенные в ней идеи.

Политехнизация школы: музей как «лаборатория политехнизма». Кроме того, в связи с политехнизацией школы музей начал рассматриваться как «лаборатория политехнизма». Важнейшим направлением работы краеведческих музеев в 1930-е гг. виделась поддержка политехнизации школы, объявленной одной из главных образовательных реформ после постановления ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 25 августа 1931 г. [5]. Политехнизм понимался не как простое обучение ремеслам, а как «метод воспитания борцов за коммунизм» через труд, взятый «во всех его связях и опосредствованиях» (К.А. Соловьев) [12, с. 13]. Музей должен был стать ключевым звеном в этой системе, её зримым воплощением.

Для этого ставились задачи:

1. *Перестройка экспозиции вокруг труда и техники.* От музеев требовалось радикально пересмотреть коллекцию и экспозицию. На смену этнографическому подходу, при котором ценились лишь кустарные орудия как плод народного творчества, пришёл принцип всестороннего показа эволюции производительных сил. А.К. Соловьев отмечал, что теперь «одинаковый интерес представляют все орудия труда» – от древнего рубила до заводского станка и трактора, включая импортные образцы. Идеалом стала «заправленная машина, соединённая трансмиссией», т. е. действующий экспонат. Цель такого показа – не техницизм, а раскрытие сущности производительных сил и производственных отношений. Трактор в США и трактор в СССР – это разные социальные явления, и музей должен был это наглядно демонстрировать [12, с. 10].

2. *Методическое ядро: работа с учителями.* Понимая, что музейные работники не могут напрямую охватить всех школьников, авторы выдвигали тезис: «Учителя... должны стать краеведами». Музей превращался в штаб и лабораторию для педагога, организуя и направляя его деятельность. Разрабатывалась система совместной работы музеев и образовательных учреждений на местах:

- *Проработка программ.* Музейные сотрудники совместно с учителями могли анализировать школьные программы, выявляя темы, которые можно раскрыть на местном материале. Это позволяло привлекать музейные экспозиции для повышения эффективности образования.

- *Инструктирование учителей.* Музей должен был проводить для педагогов методические занятия: давать списки литературы, показывать соответствующие экспонаты, организовывать показательные экскурсии как в музей, так и на предприятиях или в сёлах (на примере темы «жилище»).

- *Передача инициативы.* Оптимальным методом признавался тот, при котором «сами учителя проводят занятия на музейном материале». Музей в этом случае лишь вооружал педагога методикой и контентом.

3. *Организация экскурсий и практической деятельности.* Музей должен был брать на себя составление маршрутов политехнических экскурсий по своему району. Его роль заключалась не только в организации посещения фабрики, но и в предоставлении «обобщающей картины» до и после экскурсии. Школьник, побывав на заводе, возвращался в музей, чтобы увидеть место этого предприятия в общей системе хозяйственных связей края, области, страны, мира. Практический труд также мог организовываться через музей: дети под руководством учителей и приглашенных мастеров могли ткать на дощечках, лепить горшки, строить модели, наблюдая за эволюцией технологий от примитива к современной машине.

Таким образом, музей становился интегратором школьного образования, связующим звеном между теорией и практикой, школой и жизнью предприятия.

Диалектико-материалистическая экспозиция: показ истории «во всех связях и опосредствованиях». Также необходимо было перестроить музейные экспозиции в соответствии с требованиями диалектического материализма, чтобы экспозиция показывала историю «во всех связях и опосредствованиях».

Идеологическим стержнем новой музейной работы должна была стать диалектико-материалистическая методология и марксистско-ленинская теория. Только на этой основе можно было собирать музейную коллекцию, формировать экспозицию и доносить какую-либо информацию до посетителей краеведческого музея. От экспозиции теперь требовалось не демонстрирование артефактов, а раскрытие исторических закономерностей. Для этого музеи должны были руководствоваться марксистскими принципами и методами построения экспозиций:

1. *Принцип историзма и классового подхода.* Экспозиция должна была отражать смену общественно-экономических формаций, движимую классовой борьбой. Как иронизировал Ф.Я. Кон, в старых музеях можно было спросить у жирафа: «А где здесь классовая борьба?» Теперь же каждый экспонат, будь то орудие труда, предмет быта или документ, должен был занимать строго отведённое ему место в истории борьбы классов и движении по пути прогресса. Например, показ «дорогового периода» не мог ограничиться стрелами и горшками; нужно было демонстрировать орга-

низацию труда людей и их общественные отношения [14, с. 13].

2. Метод контраста. Наиболее эффективным приёмом политико-воспитательной работы был признан контраст. Ф.Я. Кон приводил пример: когда колхозники в Истринском музее доводили до слёз показом издевательств над крепостными, а затем демонстрировали героинь-стахановок, это производило на них неизгладимое впечатление [14, с. 16]. Противопоставление «рабского монастырского хозяйства» и современного совхоза, нищеты дореволюционной деревни и колхозного благополучия, эксплуатации женщины при капитализме и её раскрепощения в СССР – всё это становилось главным сюжетом музейного рассказа о прошлом, настоящим и будущим.

3. Центральная роль отдела социалистического строительства. Ф.Я. Кон прямо заявлял, что важнейшим отделом любого краеведческого музея должен стать отдел соцстроительства, показывающий достижения советского общества. Но он не мог «висеть в воздухе», существуя сам по себе. Ему должен был предшествовать вводный отдел, показывающий природные богатства и историю края, а также – что было новаторской идеей – отдел истории соцстроительства. Этот отдел должен был отразить не только современные достижения, но и трудный путь к ним: гражданскую войну, разруху, вредительство, внутрипартийную борьбу, героические усилия по индустриализации и коллективизации под руководством партии и лично Сталина. Таким образом, музей должен был показывать не статичный результат, а впечатляющую динамику борьбы и созидания.

4. Комплексное, всестороннее краеведение. Н.К. Крупская настаивала, что музей должен давать не отрывочные знания, а «всестороннее знание своего района». На примере цыганских колхозов в Западной области она показывала, как музей, глубоко изучив этнографию, хозяйственные навыки и психологию цыган, а также природные условия области, мог дать практические рекомендации наркомату земледелия по размещению и организации этих колхозов [13, с. 5–6]. В таком контексте музей становился не просто просветительным учреждением, но и научно-консультационным центром для местной власти, базой для планирования хозяйственной деятельности.

В целом музей должен был стать орудием пропаганды и агитации.

Музей как орудие пропаганды и агитации. В условиях нарастающей идеологизации советского общества вся сфера культуры рассматривалась властью в основном как инструмент индоктринации населения, повышения его лояльности и мобилизации на решения задач строительства социализма. В этих условиях краеведческий музей неизбежно превращался в активный инструмент пропаганды. Перед ним ставился ряд задач идеологического характера:

1. Борьба с пережитками прошлого. Музеям вменялось в обязанность вести наступление на религиозные суеверия, мелкобуржуазную психологию, патриархальный быт. Н.К. Крупская с возмущением описывала озеро в Горьковском крае, куда верующие спускали на лодочках горящие свечи, и спрашивала:

«Что сделано в этой области Горьковским музеем? Как он противостоит этому монастырю?» [13, с. 6]. Музей должен был противопоставлять «дикой монастырской «культуре»» достижения советской культуры – дома культуры, кино, технические кружки. Антирелигиозная пропаганда должна была перейти от высмеивания попов к раскрытию социально-экономических корней религии как орудия угнетения трудящихся, к раскрытию вреда религии для человека и преимуществ атеизма.

2. Работа с районной печатью. Статья К. Иванова систематизировала опыт Переславль-Залесского музея по использованию местной газеты. Это направление работы признавалось ключевым для «развёртывания массовой политико-воспитательной работы». Предлагалась целая иерархия форм такого сотрудничества: от простых объявлений и информационных заметок о новых поступлениях до развёрнутых научно-популярных статей по истории края и, наконец, целых «Страничек музея», готовящихся коллективом [15, с. 59]. Такие публикации могли не только популяризировать музей, но и напрямую служить делу коммунистического воспитания, давая учителям и пропагандистам качественный местный материал. Газета в условиях такого сотрудничества превращалась в продолжение музейной экспозиции.

3. Собираение «живой истории» и связь с массами. Музеям предписывалось активно собирать материалы о современности и недавнем революционном прошлом, работая непосредственно с населением. Н.К. Крупская призвала записывать воспоминания старых большевиков, собирать свидетельства о первых коммунах, о революционных народниках, чья память ещё жива в народе. Находка Истринским музеем гармони, использовавшейся для маскировки нелегальных собраний, или сигнальной лампы конспиративной квартиры – вот образцы «живой истории», которая должна была замечать сухие диаграммы и лозунги в историко-революционных отделах. Поэтому настоящий работник краеведческого музея должен был быть не кабинетным учёным, а активным исследователем и собирателем. Его задача – уметь «подойти к массам», чтобы они «рассказали музеям много интересных вещей», наполнили экспозицию «дыханием жизни» [13, с. 9].

Кадры и преодоление кризиса. Однако реализация этой грандиозной программы преобразования и развития краеведческих музеев в указанный период на практике упиралась в глубокий кадровый и организационный кризис, осознанию и преодолению которого были посвящены многие моменты дискуссии. Перед музейным сообществом ставился ряд неотложных и важных задач.

1. Борьба за квалифицированные кадры. Ф.Я. Кон констатировал катастрофическое положение с кадрами и объявлял о мерах Музейного отдела Наркомпроса по преодолению кризиса: организация краткосрочных курсов при Истринском музее, развитие заочного обучения, введение обязательного «техминимума» для музейщиков, планирование научных командировок. С этой же целью создавался консультационный отдел в журнале «Советский музей». Главной задачей при подготовке кадров в тот период было не только повышение их общего уровня образования, но и преодоление узкой

специализации, когда археолог или художник «гнул» музей под свои интересы, навыки и представления [14, с. 13].

2. *Преодоление «феодальной» разобщённости.* Выдвигался принцип государственного подхода к музейным фондам: все экспонаты – собственность государства и должны находиться там, где они наиболее нужны в данный момент с точки зрения государства. Это требовало болезненного и сложного процесса перераспределения коллекций между музеями, ликвидации «ненужных» точек в экспозиции, созданных на случайной основе (например, вокруг «двухголового тельца»), а также концентрации необходимых ресурсов в ключевых, профильных музеях. Однако в этом случае сотрудники музеев лишались права влиять на принимаемые властью решения и становились простыми исполнителями.

3. *Индивидуализация работы с посетителем.* Ставилась задача резко увеличить долю организованных посетителей, наладив прочные связи с профсоюзами, заводами, школами. Экскурсионная работа должна была выйти за рамки шаблонной лекции. Предлагалось подбирать экскурсовода и методику в зависимости от состава группы, развивать эвристические методы, задания для самостоятельной работы школьников в залах. Экспозиция музея должна была не иллюстрировать лекцию, а быть центром, вокруг которого строится диалог экскурсовода и посетителей.

Заключение. Таким образом, в 1930-е гг. краеведческие музеи в СССР пережили радикальную метаморфозу, диктуемую логикой строительства командно-административной системы советского государства, всех происходивших тогда глубоких экономических, социальных и культурных преобразований советского общества. Из периферийного учреждения «для любителей старины» краеведческий музей был преобразован в идеологически нагруженный социальный институт, выполнявший ряд ключевых функций:

1. *Педагогическую:* стать «лабораторией политехнизма» и интегральным компонентом реформированной школы.

2. *Идеологическую:* быть орудием пропаганды, внедряющим марксистско-ленинское видение истории и воспитывающим преданность социалистической родине, партии и вождям.

3. *Научно-прикладную:* обеспечивать власть всесторонним, комплексным знанием о регионе для целей планирования и управления.

4. *Культурно-просветительскую:* бороться с пережитками прошлого и формировать новую, советскую идентичность.

Проблемы, с которыми столкнулись музеи – косность, кадровый голод, ведомственная разобщённость, – были проблемами всей системы советской культуры в период её становления. Направления деятельности, сформулированные в статьях журнала «Советский музей», – политехнизация, диалектическая экспозиция, метод контраста, агрессивная пропаганда, работа с печатью – стали программой-максимум, реализация которой растянулась на десятилетия. Эта модель музея-пропагандиста, музея-воспитателя, тесно встроенного в государственную машину и подчинённого её целям, стала определяющей для всего советского периода и оставила глубокий след в постсоветской музейной практике.

Источники, на которых основана статья, демонстрируют, как теоретические постулаты (Соловьёв, Кон) сочетались с практическими указаниями опытного политического деятеля (Крупская) и обобщением местного опыта (Иванов). Вместе они рисуют картину целенаправленного, жёстко идеологизированного преобразования музейной сферы, в котором краеведческий музей должен был стать не просто отражением жизни, но активным инструментом её изменения согласно канонам сталинского социализма.

Литература

- 5 октября. Декрет о регистрации, приеме на учёт и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений // Электронная библиотека исторических документов URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12532-5-oktyabrya-dekret-o-registratsii-prieme-na-uchet-i-ohrane-pamyatnikov-iskusstva-i-starinny-nahodyaschih-sya-vo-vladieni-chastnyh-lits-obschestv-i-uchrezhdeniy#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 10.12.2025).
- 3 июня. Декрет о национализации Третьяковской галереи // Электронная библиотека исторических документов URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/14820> (дата обращения: 10.12.2025).
- Декрет СНК об организации Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе // Известия ВЦИК. – 1918. – 12 мая (№ 93). – С. 3.
- Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1918. № 69. Ст. 748. С. 916.
- Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе. Приложение № 5 к п. 31 пр. ПБ № 58 от 25.VIII.1931 г. // Исторические материалы URL: <https://istmat.org/node/53561> (дата обращения: 10.12.2025).
- Сундиева А.А. Музей в тоталитарном обществе: советский опыт 1920–1930-х гг. // Вопросы музеологии. – 2010. – № 2. – С. 39–50.
- Турилов А.В., Черкаева О.Е. Краеведение и краеведческие музеи СССР в 1920–1930-е гг.: между наукой и идеологией // Вестник архивиста. – 2018. – № 4. – С. 1050–1063.
- Соколова М.В. «Музейная революция» 1930-х гг.: трансформация принципов экспонирования в советских краеведческих музеях // Культура и искусство. – 2019. – № 5. – С. 65–75.
- Музееведение в СССР: начало // Мир музея URL: <https://мирмузея.рф/tpost/m3fvm47cx1-muzeevedenie-vsssr-nachalo> (дата обращения: 10.12.2025).
- Каулен М.Е., Коссова И.М., Сундиева А.А. и др. Музейное дело России. – М.: Изд-во «БК», 2003. 614 с.
- Шмит Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции // Национальная электронная библиотека URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007915520/ (дата обращения: 10.12.2025).
- Соловьёв А.К. Краеведческие музеи и политехнизация школы // Советский музей. 1932. № 2. С. 8–18.
- Крупская Н.К. О краеведческих музеях // Советский музей. 1936. № 4. С. 5–10.

14. Кон Ф.Я. Очередные задачи краеведческих музеев // Советский музей. 1936. № 4. С. 11–17.
15. Иванов К. Краеведческий музей и районная печать // Советский музей. 1939. №1. С. 58–61.

References

1. October 5. Decree on the registration, acceptance for registration, and protection of monuments of art and antiquity owned by individuals, societies, and institutions // Electronic library of historical documents URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12532-5-oktyabrya-dekret-o-registratsii-prieme-nauchet-i-ohrane-pamyatnikov-iskusstva-i-stariny-nahodyaschihsya-vo-vladenii-chastnyh-lits-obschestv-i-uchrezhdeniy#mode/inspect/page/1/zoom/4> (date of access: 10.12.2025).
2. June 3. Decree on the nationalization of the Tretyakov Gallery // Electronic Library of Historical Documents URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/14820> (date accessed: 10.12.2025).
3. Decree of the Council of People's Commissars on the organization of the Department for Museum Affairs and the Protection of Monuments of Art and Antiquity under the People's Commissariat of Education // Izvestiya of the All-Russian Central Executive Committee. 1918. May 12 (No. 93). P. 3.
4. Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR). 1918. No. 69. Art. 748. P. 916.
5. Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on Primary and Secondary Schools. Appendix No. 5 to paragraph 31 of the PB No. 58 of August 25, 1931 // Historical Materials URL: <https://istmat.org/node/53561> (accessed: December 10, 2025).
6. Sundieva A.A. Museum in a Totalitarian Society: Soviet Experience of the 1920s–1930s // Voprosy Museologii. 2010. No. 2. Pp. 39–50.
7. Turilov A.V., Cherkaeva O.E. Local History and Local History Museums of the USSR in the 1920s–1930s: Between Science and Ideology // Vestnik arkhivista. 2018. No. 4. Pp. 1050–1063.
8. Sokolova, M.V. "The Museum Revolution" of the 1930s: Transformation of Exhibiting Principles in Soviet Local History Museums // Culture and Art. 2019, No. 5, pp. 65–75.
9. Museology in the USSR: Beginnings // Mir Muzeya (World of Museums), available at: <https://мирмузея.рф/tpost/m3fvm47cx1-muzevedenie-vssr-nachalo> (accessed 12/10/2025).
10. Kaulen M.E., Kossova I.M., Sundieva A.A., et al. Museum Affairs in Russia. Moscow: VK Publishing House, 2003, 614 p.
11. Shmit, F.I. Museum Affairs. Exhibition Issues // National Electronic Library URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007915520/ (date accessed: 10.12.2025).
12. Soloviev A.K. Local history museums and the polytechnicization of schools // Soviet Museum. 1932. No. 2. Pp. 8–18.
13. Krupskaya N.K. On local history museums // Soviet Museum. 1936. No. 4. Pp. 5–10.
14. Kon F.Ya. The next tasks of local history museums // Soviet Museum. 1936. No. 4. Pp. 11–17.
15. Ivanov K. Local history museum and the district press // Soviet Museum. 1939. No. 1. P. 58–61.